

Александр Афанасьев, Ирина Василенко

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Засади цінностей можуть бути представлені як в раціональному, так і в нераціональному вимірі, які слід вважати взаємодоповнючими. Вони значною мірою опосередковуються суб'єктною раціональністю, яка адекватно маніфестує ціннісні феномени.

Ключові слова: цінності, раціональне, нераціональне, суб'єктна раціональність.

Основания ценностей могут быть представлены как в рациональном, так и в нерациональном измерении, которые следует рассматривать как взаимодополнительные. Они в значительной степени опосредуются субъектной рациональностью, которая адекватно представляет многие ценностные феномены.

Ключевые слова: ценности, рациональное, нерациональное, субъектная рациональность.

Values can be presented both in rational and in measuring, which should be examined as complementary. They are in a great extend mediated by subject rationality which adequately presents many valued phenomena.

Keywords: values, rational, irrational, subject rationality.

На рубеже XX–XXI веков в гуманитарных науках произошли существенные изменения относительно их предмета, методов, подходов. Эти изменения в некотором смысле можно назвать аксиологическим поворотом. Например, многие историки переориентировались с выявления социально-экономических механизмов исторического процесса на изучение ценностно-культурных и социально-психологических детерминант поведения человека как главного творца истории. В литературоведении наблюдается аналогичный поворот от выявления социально-экономических предпосылок литературного творчества к изучению литературных процессов в ценностно-культурном контексте. Наиболее явно этот процесс отразился в культурологии, где аксиологическая природа культуры, особенно искусства, изучена достаточно полно. Аксиологический подход успешно зарекомендовал себя в философии, этике, эстетике, психологии, социологии. Можно сказать, что критерий ценности признан универсальным в анализе любых антропологических феноменов. «Само «понимание» и «осмысление» познаваемых явлений и процессов – операции, имманентные «наукам о духе» (или «о культуре»), – есть проявления ценностного к ним отношения, идет ли речь об исторической науке, социологии или литературоведении»

[6, с. 185].

Однако, несмотря на очевидную эффективность результатов, не столь очевидна научность ценностного подхода, в частности, в плане соотношения объективности и субъективности в ценностном отношении к предмету исследования, возможности его рационального представления в объективных, закономерных связях и особенно рациональности и нерациональности в основании ценностей.

Вопрос о природе ценностей не только чрезвычайно широк и многослоен, но и многообразен с точки зрения философских предпосылок. Однако во всех своих аспектах он в основном предопределен рациональным или нерациональным видением ценностей. Противоположность рационального–нерационального заметна в истории философии и собственно аксиологии. Примером может служить, с одной стороны, рационализация ценностей в кантианстве и неокантианстве, а с другой – иррациональное учение о ценностях в ницшеанстве. Влияние такого противопоставления ощущается и в современных исследованиях, дополненного идеей несовпадения знания и ценностей [7]. Между тем, вопреки сложившейся традиции противопоставления можно обосновать взаимодополнительность рациональных и иррациональных оснований ценностей, что и является целью статьи.

Существует немало концепций о природе ценностей: от натуралистического психологизма Дж. Дьюи до персоналистического онтологизма М. Шелера, от аксиологического трансцендентализма В. Виндельбанда, Г. Риккерта до аксиологического социологизма М. Вебера. Все концепции и подходы заслуживают внимания и фиксируют определенную сторону феномена ценностей, и их надо скорее рассматривать не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие общую картину ценностей. В то же время, несмотря на концептуальные различия, можно усмотреть и общее понимание ценностей. Ценность рассматривается и как предмет, могущий удовлетворить ту или иную потребность человека, и как идеал, и как норма (оценки, требования, запрета), и вообще как культурная, общественная или личностная значимость чего-либо для человека, социальной группы или всего человечества, выражающая определенное ценностное отношение. В этом плане, например, религиозные и мистические ценности, связанные с верой в сверхъестественное, как и мифологемы, сознательно и бессознательно продуцируемые в обществе, являются вполне реальными ценностями, как и их материальные и идеальные, общественные и культурные собратья.

Рациональное и нерациональное в ценностях обсуждается в различных срезax: и относительно объектов-ценностей, и относительно ценностных отношений, и относительно обусловленного ими поведения, и относительно идеалов и норм как бы самостоятельно существующих в культуре. Иногда полезно различать онтологическое и гносеологическое в ценностях. В этом плане многие установки, оценки, требования, запреты и т. д., выраженные в форме норм и выступающие ориентирами и критериями деятельности людей, имеют явную рациональную онтологию. Они сформировались как рациональные способы выживания или функционирования социума и закрепились как традиции. В то же время, они далеко не всегда являются предметом индивидуального или философского гносеологического анализа, не всегда осознаются, не всегда выступают в форме знания, а скажем, в виде побуждений или призывов. В этом отношении они являются внерациональными и внегносеологическими факторами деятельности. Предметные ценности, оцененные с точки зрения добра и зла, истины и лжи, прекрасного и безобразного, справедливого и несправедливого, даже получившие гносеологическую разработку в форме философского или аксиологического знания, т. е. имеющие форму явного рационального бытия в культуре, в реальной деятельности нередко функционируют неявно, на уровне интуиций и озарений, чувственно-эмоционального и иного нерационального присутствия.

Следует различать, как минимум, пять значений слова «иррациональное» («нерациональное»), существенных в ценностном контексте. В первом значении иррациональное представляет собой самодостаточную и самоценностную внеразумную форму духовной деятельности человека, существующую наряду и одновременно с разумом как неререфлексирующая сфера духа, сохраняющая себя в этом качестве независимо от развития последнего. Такое иррациональное имеет собственные средства постижения мира, например, веру, мистическую интуицию, внутреннее созерцание и т. д. Сюда порой относят и чувственно-эмоциональную сферу духа как противопоставленную разуму. Последнее иногда рождает недоразумения, одно из которых пытался преодолеть К. Поппер, специально оговаривая, что он относит эмпириков к рационалистам [14, с. 224]. Очевидно, что ценности можно обнаружить в таком контексте, хотя бы потому, что не всегда и не все ценности отрефлектированы, что особенно характерно для ценностных норм.

Второе значение термина «иррациональное» связано с известным идейным и идеологическим течением в философии и мировоззрении вообще. Оно возникло не столько как реакция на существование

нерационального самого-по-себе, сколько как ответ на рационализм с его сомнительными претензиями на статус единственно возможного или наилучшего способа отношения к миру. Иррациональный характер ценностей легко усматривается в немецком романтизме, ницшеанстве, у И. Г. Гердера, Ф. Шеллинга, О. Шпенглера и др.

В третьем значении иррациональное как сфера духа не является самодостаточным и самоценным, претерпевает изменения в соответствии с изменениями разума и вообще сферы духовного. Существует, например, точка зрения, согласно которой в ходе развития человечества сфера иррационального сужается вплоть до полного ее исчезновения за счет расширения разумной сферы, в противоположность другой гипотезе о бесконечности иррационального, выполняющего функцию вечной подпитки рационального. В любом случае здесь иррациональное выглядит как пока-еще-иррациональное [9, с. 5–8]. Оптимизм в отношении превращения любых ценностей в знание обнаруживается в гегельянских и марксистских концепциях.

Четвертое значение термина «иррациональное» связано с той сферой человеческого духа, которая функционирует относительно независимо от разума, на уровне чувств, эмоций и вытесненного в подсознание рационального. Многие нормы нравственности или оценки типа справедливое-несправедливое, прекрасное-безобразное и т. п. осуществляются без предварительной рациональной обработки, как привычные, эмоциональные реакции. В философии и науке эти нормы и оценки давно рационализированы, что, возможно, было когда-то усвоено индивидами в процессе социализации, но забыто или было принято на веру, или усвоено путем подражания. Такие ценности стали пост-рациональными, уже-нерациональными.

Пятое значение термина «иррациональное» связано с оценкой, обычно негативной, мира вообще или его фрагмента, некоего практического действия или духовного феномена, в том числе ценностей, как иррациональных, хотя те не обязательно являются таковыми.

Нерациональное не является качественно низшей или, напротив, высшей по отношению к рациональному формой отношения к миру. Это иная форма по механизму реализации. Поэтому бытие ценностных феноменов в этой сфере не должно вызывать отторжения. Нерациональное и рациональное не всегда являются антиподами, они вполне могут выступать взаимодополняющими сторонами человеческого духа как единого целого.

Поскольку ценности связываются с духовной деятельностью, человеческой или надчеловеческой, то они включены в сферу наук о духе,

где и решается вопрос о степени и форме рациональности самих наук и их объектов, в том числе ценностей.

Здесь, во имя избавления от иррациональности, что якобы негоже для подлинной науки, нередко декларируется многообразие рациональностей. Констатируется региональная рациональность, специализирующаяся соответственно специализации науки и социально-историческим особенностям [3], специализированные рациональности в науке, искусстве, нравственности [10, с. 56], социокультурный тип рациональности [8, с. 17] и др. В рамки подхода, провозглашающего многообразие рациональностей, легко вписывается предположение о специфической рациональности гуманитарной сферы, где можно различать объектную и субъектную рациональности [1, с. 151–161]. Выделение субъектной рациональности позволяет смягчить противоположность рационализма и иррационализма.

Объектная рациональность подразумевает достаточно жесткие критерии: законы логики, четкие правила и образцы познавательных действий, каузальные схемы объяснения, научные законы, систематичность и др. требования науки. Это есть своеобразная установка сознания: стремление устранить влияние субъекта, представить рассматриваемое явление таким, каким оно есть «на самом деле». Объектная рациональность может быть нацелена на любые феномены внешнего мира, человеческой деятельности, психики, культуры, но только под одним углом зрения – рассматривая их как особые предметы, которые подчиняются объективным законам. Разумеется, анализ ценностей может быть выполнен с учетом объектной рациональности, и в ряде случаев он будет эффективен. Подобная ориентация принесла свои плоды. Ряд социологических, исторических, лингвистических и др. дисциплин соответствует самым строгим критериям научности. Однако, в других случаях многое выпадет из рассмотрения, в частности, то, что не укладывается в исторические или социальные законы, например, единичные поступки, инспирированные соответствующими ценностями или действия вопреки им. Из каких законов и каузальных схем можно вывести не вполне удачную попытку М. Булгакова и вовсе неудачную попытку Мандельштама написать верноподданническое произведение?

Духовная активность субъекта не всегда ориентирована идеалами строгого научного познания, внешне-предметные действия и их объективированные результаты не являются только опредмечиванием знаний. Вместо установки сознания на устранение влияния субъекта, может иметь место противоположная установка на включение субъекта в рассматриваемое явление или просто не быть таких установок.

Подобные феномены духовной и практической деятельности вряд ли попадают автоматически в разряд иррационального, хотя под единый идеал рациональности их невозможно подвести. Но в некотором смысле рациональность может хотя бы потенциально покрывать многие, если не все формы духовной активности, в том числе вненаучные. Во-первых, последние могут быть рационально описаны и объяснены в тех или иных теориях. Во-вторых, они, как правило, соответствуют некоторым культурным или социальным нормам, природа которых, в конечном счете, рациональна. Даже гнев или иные, на первый взгляд, абсолютно иррациональные эмоциональные всплески духовной деятельности индивидов или групп осуществляются в некоторых культурных нормах и уж во всяком случае, описываются и объясняются определенным рациональным образом. В-третьих, сами индивиды, осмысливая свои многообразные духовные проявления на сеансах психотерапевта, в дневниках и автобиографических очерках, в письмах и устных повествованиях облачают их в определенные рациональные формы, связывая с определенными ценностными предпочтениями. Все это не относят к научной рациональности, поскольку последняя соотносится с объективной рациональностью, требованиям которой вышеназванные проявления духовности действительно не соответствуют. Однако в рамки субъективной рациональности они укладываются.

В своем проявлении субъективная рациональность тесно переплетена с чувствами, переживаниями, соответствующими внутренней позиции субъекта и эмоционально окрашивающими его размышления и вообще интеллектуальную деятельность. В частности, во многом из-за этого в гуманитарных исследованиях обнаруживается более сложная, чем в естествознании, ситуация наблюдения: очень часто она оказывается той внутренней ценностной позицией, от которой трудно, а порой невозможно, отвлечься. Требуется дистанцирование, как временное, так и пространственное. Последнее обстоятельство позволяет понять, почему далекую от нас культурную ситуацию нам легче освоить, чем недавнюю или современную.

Субъективная рациональность многообразна, охватывает довольно пестрый спектр духовной сферы деятельности: от науки до обыденности, от уникального до всеобщего, от знания до ценности, от обоснования до верования. Иррациональными их иногда называют лишь с позиций жесткой научной рациональности. Именно констатация феноменов субъективной рациональности служит поводом для отрицания единой рациональности, для противопоставления гуманитарной сферы духа естественнонаучной, для поиска особых, специфических методов и средств гуманитаристики.

В связи с ценностным фактором к субъектной рациональности можно отнести следующее.

Во-первых, имеется в виду фиксация нетипичного. В ряде случаев невозможно абстрагироваться от места, времени, ситуации и прочих специфичностей, «единичностей» при изучении человека, его деятельности или мышления и выйти на абстрактно-рациональные, идеальные конструкты. Это встречается в исторических исследованиях, когда существенным оказывается изучение ценностей данной семьи, ценностных традиций отдельного цеха или поместья, что нередко ближе к литературе, чем к науке, но без чего не будет сколько-нибудь полного представления изучаемой эпохи. Аналогичные примеры можно обнаружить в психологии при нестандартном поведении индивида или группы, в литературоведении и художественной критике, сталкивающихся с уникальным талантом, необычным поведением или иным контекстом прочтения.

Во-вторых, субъектная рациональность предполагает учет личностного и вообще субъективного при ссылке на разумность. Если для объектной рациональности степень объективности гуманитарного знания, как и вообще всякого знания, прямо пропорциональна степени его удаленности от субъекта, то для субъектной рациональности мера личностной вовлеченности прямо и непосредственно коррелирует с мерой объективности и точности гуманитарного знания, например, если целью исследования является точная характеристика ценностных установок исторического персонажа или деятеля искусства. Кроме того, установлено, что субъективное понимание исторических событий в летописях или социальных фактов в хозяйственных или политических документах, как и ценностная позиция самого исследователя, участвуют в построении самих фактов, в частности, в различных формах нарратива [4, с. 33] и существенно при анализе любого текста [5, с. 459–460]. К тому же субъектная рациональность предполагает учет изменений исследуемого субъекта в ходе диалога с субъектом-исследователем [2, с. 383]. По-видимому, сюда следует отнести и «переживающее мышление» как недискурсивную форму знания, где наличествует целостность внутреннего опыта, недостижимая в дискурсивном мышлении [11, с. 227–239]. Очевидно, что стандарты жесткой объектной рациональности тут не работают.

В-третьих, к субъектной рациональности можно отнести такие ценностные представления, которые играют явную роль, например, в процессе художественного освоения действительности и не столь явную роль в научном творчестве. В содержании сознания всегда присутствуют

сплав знаний и ценностей. Но оценочные суждения ученого не входят непосредственно в состав порождаемого знания, они остаются в контексте открытия, который опускается при экспликации или трансляции научного знания. Можно упомянуть важнейшую ценность науки, как правило, не осознаваемую учеными: особую структуру научных текстов. Они говорят как бы от имени природы, благодаря лингвистическим структурам, делающим научные тексты убедительными. Так, «Оптика» Ньютона использовала принципы построения и терминологию работ Эвклида, заимствуя их риторическую силу, хотя содержала только описания экспериментов и их результатов [12, с. 53]. С точки зрения объектной рациональности вышеперечисленные ценности выглядят иррациональными. Однако их рациональная природа проявляется при сознательном их использовании и при прояснении их роли в науке. В этом плане гуманитарному исследованию на предмет обнаружения субъектной рациональности ценностей подвергаются и естественнонаучные тексты.

Ценностные представления преобладают в жизнеучениях, среди которых значатся самые разнообразные: философские, теологические, обыденные, – несущие в себе ту или иную прагматическую интенцию. Хотя некоторые из них можно представить в виде рационализированных этических концепций, похожих на теории и обозначенные как истинные или ложные, все же главное в них – ценностные компоненты, которые нельзя свести к строгому научному знанию. В то же время вообще вывести их за рамки рациональности невозможно. Им принадлежит огромная упорядочивающая и смыслообразующая роль, особенно в традиционных обществах. Отцовские наставления играли роль, сходную не только с ролью юридических законов, но и с ролью фундаментальных законов природы, не выполнять которые невозможно. Деятельность в русле подобных установок может быть представлена как рациональная. Очевидно, что такая рациональность может не осознавать законов логики и даже порой не следовать им, не отличаться систематичностью или не соблюдать других отдельных требований жесткой объектной рациональности. В то же время здесь обнаруживается, к примеру, ясность, воспроизводимость и общеприемлемость определенных образцов деятельности, общее согласие относительно правил поведения, что соответствует, в частности, операциональной и нормативной интересубъективности как формам проявления рациональности [13, с. 220–222].

В-четвертых, субъектная рациональность охватывает индивидуальные мнения, впечатления, особенно злободневные, в

журналистике, литературной, художественной, музыкальной критике. Например, в литературоведении можно различать исследования, более близкие к науке и более отдаленные от нее. Первые тяготеют к объектной рациональности, как, например, в теории литературы. Вторые – к субъектной, если там преобладает не позиция ученого, а мнение профессионала, просто делящегося впечатлениями на злободневную тему, не заботясь об их соответствии Абсолютному Разуму, Вечной Истине, Полной объективности, что характерно для литературной критики. Из-за этого порой вне науки неправомерно оказываются многие важные для науки комментаторские виды работы, обнаруживающие существенный для понимания культурно-ценностный контекст. В конкретных социокультурных ситуациях личные мнения могут иметь общезначимый контекст, а чувства и эмоции – вписываться в некоторые культурные нормы, в особенности, когда провоцируются соответствующей логической аргументацией. Так возникают праведный гнев, истинная скорбь, высшие чувства, имеющие соответствующую ценностную окраску, и не покрывающиеся ни рамками иррациональности, ни рамками объектной рациональности.

В-пятых, субъектная рациональность соотносится с представлениями, включающими ценностную ориентацию субъекта: групповую, национальную, общечеловеческую. Примером могут служить идеологии, представляющие свой частный интерес как общезначимый, включая в себя тем самым большую или меньшую интересубъективность. Идеологии, в частности, соответствуют всем пяти, выделенным К. Хьюбером [13, с. 220–222], основным формам интересубъективности, в которых проявляет себя рациональность.

В качестве вывода отметим, что природа ценностей не может быть однозначно очерчена сферой рационального или иррационального, которые следует рассматривать как взаимодополнительные. Формой их опосредования может выступать субъектная рациональность, адекватно представляющая многие ценностные феномены.

1. Афанасьев А. И. Субъектная рациональность гуманитарного знания / Актуальні проблеми духовності.– Зб.наукових праць.– Вип. 8.– Кривий Ріг: Видавничий дім, 2007.– Сс.151-161.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979.– 424 с.
3. Башляр Г. Новый рационализм.– М.: Прогресс, 1987.– 376 с.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии.– М., 2000.– № 3.– С. 29–42.
5. Гадамер Г.-Г. Истина і метод.– Т. 1.– К.: Юніверс, 2000.– 464 с.

-
6. Каган М. С. *Философская теория ценности.*– СПб: Петрополис, 1997.– 205 с.
 7. Максимов Л. В. *Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли.*– М.: РОССПЭН, 2003.– 160 с.
 8. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. *Новые образы познания и реальности.*– М.: РОССПЭН, 1997.– 239 с.
 9. Мудрагей Н. С. *Очерки истории западноевропейского иррационализма.*– М.: Наука, 2002.– 224 с.
 10. Никитин Е. П. *Спецрациональность // Исторические типы рациональности.*– Т. 1.– М.: ИФРАН, 1995.– С. 48–57.
 11. Франк С. Л. *Непостижимое // Франк С. Л. Соч.*– М.: Правда, 1990.– С. 181–559.
 12. Харре Р. *Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // Вопросы философии.*– М., 1992.– № 9.– С. 49–60.
 13. Хьюбнер К. *Истина мифа.*– М.: ИФРАН, 1996.– 448 с.
 14. Popper K. *The Open Society and its Enemies.*– Princeton: Princeton University Press, 1950.– 645 p.